

УДК 1(091)

О МАГИЧЕСКОМ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ
ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЫ

Л. Г. Александров

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена философским взглядам итальянского утописта Т. Кампанеллы на человека, природу и общество. Автор акцентирует внимание на том влиянии, которое оказали на мировоззрение мыслителя современные ему магические искусства и оккультные учения. Предполагается, что они существенно отразились на его антропологических взглядах и способах выражения философской мысли.*

Ключевые слова: *Кампанелла, утопия, магия, астрология, антропология.*

Abstract: *the article is devoted to the philosophical views of the Italian utopian T. Campanella on man, nature and society. The author focuses on the influence that modern magical arts and occult teachings had on the thinker's worldview. It is assumed that they significantly affected his anthropological views and ways of expressing philosophical thought.*

Key words: *Campanella, utopia, magic, astrology, anthropology.*

Историки философии достаточно часто ведут линию преемственности от Т. Мора и Т. Кампанеллы к теоретикам утопического социализма и коммунизма Ш. Фурье, К. Сен-Симону и Р. Оуэну, в свою очередь, ставшим источниками марксизма, в рамках которого социальная утопия непосредственно переходит в преобразовательную практику социал-демократических движений [1].

Но не стоит забывать об этапах исторической трансформации утопии в утопическую идеологию, ведь еще для первой половины XVII в. она еще оставалась оригинальным литературно-философским жанром, прижившимся в латинской ученой культуре. Его популярность была обусловлена не только светскими ренессансными идеалами, но и католической духовной рефлексией на набирающее силу реформационное движение.

Как жанровая форма утопия представляла рассказ путешественника об идеализированном общественном порядке или строе в некоей вымышленной (как правило, для безопасности автора) стране, за которой должна была лишь «угадываться» модель социальных отношений в определенном государстве или в определенный исторический период, которые автору представлялись оптимальными. Но даже если предположить, что К. Маркс и Ф. Энгельс увлекались чтением «Метафизики» или «Города Солнца» Кампанеллы, это не исключает, что его сочинения мог-

ли послужить источником вдохновения для представителей каких-либо иных учений и течений.

Многие утописты эпохи обращались к авторитету итальянских гуманистов, но применительно к нашей теме стоит заметить, что это понятие в XV–XVI вв. не совпадало ни с пониманием общечеловеческой гуманности и справедливости, ни с комплексом гуманитарных знаний. Статус гуманиста в этот период был обусловлен, прежде всего, усилением в философии идей античного стоицизма (школа, где возникло само понятие). Итальянские мыслители Ренессанса много делали для формирования светской философии, выведения ее за пределы религии, церкви и теологии, и их гуманизм по сути был своим греческим «аналогом» – антропоцентризмом.

В кружках гуманистов обсуждались умозрительные противоречия, которые, с одной стороны, предвосхищали главное идеологическое расхождение эпохи Реформации. [2, с. 27]. С другой стороны, интерес к человеку требовал новой натурфилософии, на основе которой к завершению Реформации сформируется рационально-научная картина мира, вытесняя постепенно из сознания европейца религиозно-мифологические представления. Но к этому моменту тех, кого ранее именовали гуманистами, уже будут воспринимать как «просветителей».

Для европейской литературы XVI в. – Ф. Рабле, Э. Спенсера, Л. Камюэнса – наряду с утопическими описаниями, характерными были и высокий символизм, и энциклопедическая образованность, которые в большинстве случаев предполагали общее знакомство с магическими искусствами. Причем это был как раз тот этап, когда средневековая магическая ученость перерастала в качественно новый тип знаний о человеке, природе и обществе. Именно в этом «переходном» периоде сформировалось и философское мировоззрение Кампанеллы.

Будучи выходцем из семьи калабрийского ремесленника, Кампанелла получил начальное образование в доминиканском монастыре, а впоследствии был «самоучкой», или, как он сам называл себя, «пожирателем книг». По всей видимости, он обладал замечательной памятью и критическим складом ума, о котором писал в одном из «сократических» сонетов:

Меня желанье вечное томит:

Чем больше познаю, тем меньше знаю [3, с. 163].

Самовольно оставив монастырь, молодой Кампанелла побывал в Риме, Флоренции, Падуе, вероятно, общался с Г. Галилеем и Дж. дела Порта, под воздействием натурфилософии Б. Телезио написал трактат «Философия, доказанная ощущениями». По возвращении на родину он был арестован по подозрению в подготовке политического заговора, подвергся допросам и пыткам инквизиции и был осужден на долгий срок тюремного заключения. После освобождения власти продолжали преследовать мыслителя, из-за чего он был вынужден перебраться во Францию.

В трактатах Кампанеллы ясно обозначено отношение к магии и астрологии своего времени. Его органическая картина мира утверждает одушевленность всей материи, стоицизм сопрягается у него с платонической антропологией и космологией, воспроизводя мифологему человека-микрокосма: «Мир – огромное живое существо, а мы живем в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве» [там же, с. 113].

Отвергая атомизм Демокрита и Эпикура, мыслитель часто говорит о взаимосвязи всех вещей в мире, что было также постулатом и для магического мышления эпохи. Он поддерживает идею множественности миров и закономерно приходит к пантеистическому пониманию бога, обеспечивающего единство мира, и даже «если мир конечен, то бесконечен бог» [4, с. 425]. Антропоцентризм, типичный для современной ему философии, логически приводит Кампанеллу к астрологии: «Смена времен зависит от всеобщих причин, то есть от небесных, и, следовательно, все наши действия возможны при условии действия неба» [3, с. 208].

Астрология была в авторитете у гуманистов (М. Фичино, П.-А. Мандзолли, П. Помпонацци), но, не вполне доверяя предсказаниям, мыслитель, безусловно, признает за человеком свободу воли и в своей последовательной телеологии заочно возражает Дж. Пико делла Мирандоле в том, что нужно «оставить библиотеки» и начать преобразовывать мир. В этом же он усматривает и божественное предназначение человека:

«Человек в величайшей мере доказывает божественность астрономии, ибо это он обозначает в небе круги, равноденствия, обращения, движения звезд и предсказывает сроки затмений, а также схождения светил и их имена, влияния на морские и земные и человеческие вещи, и объясняет, какие звезды к каким вещам испытывают симпатию и антипатию. Кроме того, когда Бог что-то изменяет в небе, человек тотчас же примечает это и строит новые таблицы <...> Если кто взглянет, как человек узнает равноденствия, тропики и места апогеев, тот убедится, что человек – это бог. Божественность человека раскрывает нам и магия. Она руками человека может творить чудеса, как те, которые может сотворить природа, так и те, которые может сотворить только Бог». [5, с. 271]

В антропологии Кампанеллы чувства и разум одинаково значимы, а природа человека оказывается ареной незримого противостояния его «ангелов» и «демонов». Во многих рассуждениях мыслителя эта терминология присутствует [4, с. 419–425], – и это доказывает как то, что доминиканцы усердно штудировали *Corpus Areopagiticum*, так и влияние на общественное сознание XVI в. философии Ф. Патрицци.

Авторитетные теологи утверждали, что в магические гадания и предсказания могут вмешаться и демонические, и ангельские силы, отчего, собственно, и различаются черная и белая магия. Кампанелла признавал два типа магии, но называл их уже в светском прочтении «естественной» и «искусственной». Ко второму типу он относил, например, изобретение телескопа и артиллерийское искусство, из чего следует, что здесь магия отождествляется с естественно-научным знанием.

В свете заявленной темы следует отметить сильное влияние на Кампанеллу компедиума «Натуральной магии» Дж. делла Порты, очень популярного на рубеже XVI–XVII вв.

Порта основал в Неаполе Академию Тайн Природы, писал трактаты по геометрии, архитектуре и гидравлике, собирал коллекцию редких животных, растений и минералов, а в своей магической теории доказывал, что «сходные по качеству телесные соки можно обнаружить в организмах, связь между которыми выявляется лишь на основе мистических соответствий» [6]. Он смело развивал оккультную типологию людей, будучи предтечей современной астропсихологии. Он имел популярность и как автор сомнительных магических рецептов: например, как сделать более тяжелый хлеб или невидимые чернила, как подделать драгоценные камни или изменить цвет глаз, как вызвать ужасные видения с помощью добавления особых веществ в напиток или в масло светильника [7, с. 157].

Многие мошенники и шарлатаны были выведены на чистую воду благодаря сочинениям этого автора. Историк К. Э. Вуд полагает, что и астрологи также скептически воспринимались Портой, уверенным, что телосложение и склонности человека зависят не от светил, а от пропорций его телесных «соков» и образа жизни:

«Ансамбль созвездия, утверждают астрологи, подобен картине, черпающей силу из сочетания различных красок. Панорама неба в момент рождения человека предопределяет его привычки, наклонности и предрасположенность к тем или иным болезням. Так говорят астрологи; однако дела обстоят иначе... Облик человека – это дар, ниспосланный небесами; не планетными небесами, но Богом-Творцом, наделяющим человека особым характером, черты которого созданы по образу райскому, ангельскому...» [6].

Против магического фатализма и детерминизма возражал и Кампанелла. Вероятно, поэтому, несмотря на защиту Галилея от нападков инквизиции, он считал его «математиком», в то время как себя – «физиком».

Магический антропоцентризм в эту эпоху мы обнаруживаем в сочинениях Т. Парацельса, Дж. Бруно, отчасти – у Ф. Бэкона. Для Кампанеллы человек – это одновременно природное и сверх-природное существо, индивидуальность которого обуславливает и новую социальность.

Общие принципы метафизики Кампанеллы зримо, хотя и несколько схематично, воплощены в его утопии. Он не приемлет крайнего индивидуализма, свойственного политическим учениям Л. Валлы или Н. Макиавелли, и ищет в естественной природе и народном менталитете способы усовершенствования общества.

Разобщение, раздробление христианского мира, возникшее в процессе Реформации, приводило мыслителя к духовным идеям Т. Мюнцера, верившего в возможность перестройки общественных отношений и на секуляризированной основе. В трактате «Поверженный атеизм», написанном после освобождения из заключения, он жестко критикует политиков, которые «не верят ни в Библию, ни в Коран, не считаются ни с папой, ни с Кальвином, подчиняя всё собственной выгоде» [8, с. 179]. Его «Город Солнца», на волне очередного витка реформационного движения, был опубликован на латыни во Франкфурте в 1623 г.

Большинство отечественных монографий о Кампанелле советского периода, в том числе и работа А. Горфункеля [9], представляют его как сильный тип героя, бунтаря и революционера, и исходя из фактов его биографии, и из идеологических соображений. Но он предстает в несколько ином ракурсе при учете его тридцатилетнего пребывания в тюремном заключении, в изоляции от реальной общественной жизни. Большинство сочинений он не видел опубликованными, публично не обсуждал с интеллектуальной элитой своего времени, а в чем-то был схож с типичной фигурой затворника, хотя и не вынужденного, – монаха, книжника, алхимика.

В замкнутом пространстве появляются дополнительные причины для появления утопий – сочинений, где описывается модель общества с жесткой организацией и регламентацией жизни, наверное, ненадолго отличавшейся и от строгих условий в доминиканском монастыре, где воспитывался молодой Кампанелла. Его случай диссидента, «узника совести» – не первый и не последний в истории: опыт возвращения утопического мирозерцания в тюремных условиях был знаком и некоторым русским мыслителям XIX в. – П. Чаадаеву, М. Бакунину, Н. Чернышевскому, Н. Морозову и др.

Образная система «Города Солнца» с легкостью рассматривается в контексте полемики XVII в. вокруг оккультных наук. Предполагают, что автор утопии был знаком с «Похвалой Солнцу» Леонардо да Винчи и с трактатом «Светильник тридцати статуй», в котором Дж. Бруно сравнивает индивидуальный разум с Солнцем [10].

Парадоксально, но, вопреки ожиданиям, Кампанелла скептически относился к гелиоцентрической системе мира Н. Коперника, возникшей в ходе разработки нового григорианского календаря и поддержанной большинством мыслителей, как научного, так и религиозного склада.

Это произошло и по причине внутреннего неприятия всех «математиков», и потому, что он рассматривал идею гелиоцентризма сквозь призму античной натурфилософской концепции четырех стихий мира и четырех начал в организме человека, к тому времени прочно вошедших в астрологическую теорию и практику. «Земля холодна и неподвижна, – писал он. – Я не считаю доказанной огненную природу планет» [5, с. 120].

Утопия – побочный продукт эпохи великих географических открытий, и авторы эпохи Ренессанса имеют широкий выбор «места действия». Город Солнца Кампанеллы, о котором повествует хозяину гостиницы генуэзский путешественник, находится в экваториальных широтах Индийского океана, ориентировочно в районе Цейлона. Народ, обосновавшийся на острове, покинул Индию, по легенде, во время нашествия монголов, однако архитектурные особенности города более похожи на описания вавилонских храмовых комплексов – зиккуратов.

Общественный строй соляриев подчиняется одновременно знанием законов природы и четкой социальной организации. При этом в главном храме, больше напоминающем лабораторию, на алтаре помещены два глобуса – земной и небесный. У них длительный опыт календарных

наблюдений, а почти все действия, начиная с рождения, определяются астрологическими факторами. Это неудивительно для эпохи, когда астрологией занимались правители и священники, и даже на судах инквизиции прибегали к «составлению гороскопов». Наличие астральных культов у соляриев не мешает их «истинной вере»:

«...И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знамениях в Солнце, Луне и звездах, чего не признают среди нас многие безумцы, которых и постигнет гибель мира, как вор ночью. Посему ожидают они обновления века, а может быть, и конца... Солнце и звезды они почитают как живые существа, как изваяния бога, как храмы и живые небесные алтари, но не поклоняются им. Наибольшим же почетом пользуется у них Солнце. Но никакое творение не считают они достойным поклонения и обожания, которое воздают одному лишь Богу, и потому ему одному служат, дабы не подпасть, в возмездие за служение творениям, под иго тирании» [11].

Солярии заимствуют научно-технические достижения как у азиатов, так и у европейцев, поэтому у них есть и телескопы, и печатные станки, и пороховые бомбарды, и даже летательные аппараты. При этом в Городе Солнца нет частной собственности, а организация труда такова, что «не жители служат вещам, а вещи – им» [там же]. Социальная структура однородна и освобождена от человеческого эгоизма и себялюбия. Мораль такой общинной жизни соотносится со стоической доктриной естественного права, по которой «всё является общим, и в первую очередь нужно заботиться о жизни целого, а уже затем – его частей» [3, с. 89].

Это входит в некоторое противоречие с учением Платона, который пытался показать, как из естественного неравенства людей с помощью высших «идей» образуется государство. Кроме того, в позднем диалоге «Государство» Платон экстраполировал в пространство утопии тяжелую атмосферу афинской тирании, свидетелем которой он оказался.

В утопии Кампанеллы неравенство способностей людей объясняется различным сочетанием светил при рождении. В Городе Солнца нет понятия о рабстве, а труд производителен и эффективен. Солярии – долгожители и гордятся тем, что исповедуют универсальное «золотое правило» морали, имеющее место в евангелии Матфея и Луки.

Власть над природой путем познания и власть над народом путем рационального управления в учении Кампанеллы обладает одним и тем же магическим эффектом, ибо всё в мире взаимосвязано. Естественным образом в его утопии формируется аристократия специалистов, которым «повезло при рождении». Самый одаренный из них, равно владеющий всеми науками, искусствами и ремеслами, именуется Метафизиком – полагают, что прототипом этого персонажа был эрудит и полиглот Пико делла Мирандола.

У Метафизика есть помощники, символически обозначаемые как Сила, Мудрость и Любовь. Эта персонифицированная платоническая триада опирается на 40 более узких специалистов. Число должностных лиц государства соответствует числу изучаемых наук, и все они заключены в одной книге, представляющей энциклопедию знаний. Демократия

у соляриев поддерживается регулярно собирающимся Большим Советом – народным собранием, которое только и может принять решение о смене власти.

Сопряжению платонизма и стоицизма в трактатах Кампанеллы сопутствуют элементы из учений пифагорейцев и гностиков. Такой эклектизм порождает необходимость в магическом мышлении, которое было распространено как в поздней античности, так и в эпоху Реформации.

Религиозность жителей Города Солнца почти лишена эмоций, она проста и бесхитростна. Священники не составляют особой категории населения, в отличие от «Утопии» Т. Мора. Их функции переданы высшим руководителям, а Метафизик объединяет в своих руках светскую и духовную власть, отпускает грехи любого из граждан, не называя никого по имени.

Некоторые современные Кампанелле мыслители, например, Ф. Сансовино, напускали в утопические описания «мистического тумана» и множество загадок, касающихся единственного «тайного и вечного божества», которое «чудесным образом» обращает всех в христианскую веру. Но Кампанелла стремится даже религию объяснить естественным образом. Искусствовед Э. Гарэн полагал, что философ симпатизировал средневековому «учению о гороскопе религий», гласившему, что появление пророков и смена культов на Земле определяются великими конъюнкциями, т. е. совпадением планет, расположенных «выше Солнца» [12, с. 342].

В эпоху Реформации, не случайно совпавшей с начальным этапом европейской колонизации, это учение актуализировалось, подпитывая многочисленные миссионерские движения. Вот как политическая карта мира XVI в. описывается властями Солнечного Города:

«Ведь то же самое расположение звезд, которое из трупов еретиков испустило зловонные испарения, одновременно с этим из основателей ордена иезуитов, миноритов и капуцинов источило благоухание добродетели. И под тем же расположением звезд Фернанд Кортес насадил божественную религию Христа в Мексике. <...> Эта перемена заключается в том, что в Новом Свете и по всему побережью Африки и Азии, особенно южному, укоренилось христианство при воздействии Юпитера и Солнца, которые в делах божественных и произвольных склоняют и указывают, а в делах человеческих и естественных даже являются определяющими. В Африке же посредством Луны и Марса укоренилась секта Сетифа, в Персии посредством Венеры и Юпитера – секта Али, одновременно с переменой правления в стране. А в Германию, Францию, Англию и во всю почти Северную Европу проникает из-за господствующих там Марса, Венеры и Луны зловещая ересь, спутница похоти и скотства и искоренительница свободной человеческой воли. Испания же и Италия благодаря их знакам Стрельца и Льва твердо сохранились в истинном христианском законе» [11].

Хотя выглядит такой пассаж вполне благопристойно, получается, что магию автор сочинения ставит выше религии, а не наоборот. И для таких рассуждений перенос места действия в «утопическое инобытие» был особенно необходим.

Солярии детально знают перипетии европейской истории, чтут многих авторитетных правителей и мудрецов. Они знают Магомета, однако презирают его как «вздорного и ничтожного законодателя», зато образ Христа и апостолов, которых они именуют «сверхчеловеками», запечатлен на стенах их храма. Собеседники, ведущие диалог, обнадежены тем, что «по устранении злоупотреблений» миру откроется истинное христианство, ведь Новый Свет потому и открыт, «чтобы все народности объединились в едином законе» [там же].

Для гуманистов эпохи Реформации вопрос о пресловутой толерантности долгое время был «большим» и весьма острым. Его решение (в жанре утопии) Кампанелла осуществляет вполне в духе будущих просветителей. Солярии прежде всего изучают все языки и постоянно рассылают по миру «разведчиков» и послов (инкогнито) для ознакомления с обычаями и образом правления других народов, которые затем делают донесения в своей «республике». Иностранцев на своей территории они, в целом, принимают приветливо, сами никому не причиняют насилия, но и себя в обиду не дают:

«Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более достойную» [там же].

Такого рода международные отношения в эпоху Реформации, – с ее массовыми переселениями, народными волнениями, сектантскими движениями и гражданскими войнами, – действительно оставались утопичными. Впрочем, принципам внешней дипломатии в сочинении Кампанеллы уделяется намного меньше внимания, чем правилам внутренней общественной регуляции [13].

Утопическая антропология способствовала широкому распространению в эпоху Просвещения тенденций абстрактного гуманизма, весьма контрастировавшей бесчеловечной колониальной экспансии европейских держав. Это заставляло многих мыслителей задуматься о возможности реализации утопических моделей на практике.

Кампанелле в этом смысле «повезло». Орден иезуитов, представители которого часто заявляли о своем значительном вкладе в науку и образование, в 1610 г. основали в Южной Америке миссию, вскоре заключив договор с перуанскими властями на обустройство около 30 независимых укрепленных поселений в тропиках Парагвая.

Это «государство», обязавшееся христианизировать индейцев, обучать их и укрывать от испанских и португальских работорговцев, просуществовало полтора века. В ходе этого гуманитарного эксперимента было построено несколько городков, в которых изваяния местных божеств мирно соседствовали с католическими культовыми строениями. Оккультный мыслитель Р. Штейнер в лекциях по антропософии утверждал, что социальный порядок, установленный в этой республике, во многом был смоделирован по описаниям «магической утопии» Кампанеллы, а писатель Г. Честертон назвал этот проект попыткой устройства «земного рая» [14].

Развитие утопизма в новейший период истории показало, что идеализированные и стремящиеся к идентичности социальные отношения в конечном итоге делают всех членов общества неразличимыми друг от друга – человек перестает быть самим собой, и люди становятся «массой».

Литература

1. Волков Э. Коммунизм как мечта угнетенных : социальная утопия и марксизм / Э. Волков. – URL: <https://www.proza.ru/2019/05/15/1430>
2. Черняк Е. Б. Вековые конфликты / Е. Б. Черняк. – М. : Междунар. отношения, 1988. – 400 с.
3. Кампанелла Т. Город Солнца. О наилучшем государстве. Из сонетов Кампанеллы / Т. Кампанелла ; пер. под ред. В. П. Волгина. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 504 с.
4. Эстетика Ренессанса : антология : в 2 т. / под ред. В. П. Шестакова. – М. : Искусство, 1981. – Т. 2. – 496 с.
5. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / под ред. П. С. Гуревича. – М. : Политиздат, 1991. – 132 с.
6. Зелигманн К. История магии и оккультизма / К. Зелигманн ; пер. А. Блейз. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/14b/3165_zeligmann-istoriya_magii_okkultizma.php
7. Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней : пер. с нем. / А. Леманн. – Киев : Украина, 1993. – 398 с.
8. Соколов В. В. Европейская философия XV–XVII веков / В. В. Соколов. – М. : Высш. шк., 1984. – 448 с.
9. Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла / А. Х. Горфункель. – М. : Мысль, 1969. – 246 с.
10. Йетс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Ф. А. Йетс ; пер. Г. Дашевского. – М. : Нов. лит. обозрение, 2000. – 528 с.
11. Кампанелла Т. Город Солнца : пер. с лат. / Т. Кампанелла. – URL: <http://lib.ru/INOOLD/KAMPANELLA/suntown.txt>
12. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы : пер. с итал. / Э. Гарэн. – М. : Прогресс, 1986. – 400 с.
13. Штекли А. Э. Утопия и социализм / А. Э. Штекли. – М. : Наука, 1993. – 274 с.
14. Зуева М. В. «Государство» иезуитов в Парагвае / М. В. Зуева // АН-ТРО. – 2012. – № 2 (11). – С. 123–151.

Челябинский государственный университет

Александров Л. Г., кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: leonalex42@mail.ru

Chelyabinsk State University

Alexandrov L. G., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Journalism and Mass Communications Departments

E-mail: leonalex42@mail.ru